

Шкабура Я. І.

аспірант

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Площадь Свободы, 4, 61022, Харьков, Украина

Email: ya.shkabura@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1541-9317>**«ИНЦИДЕНТ РАКОВСКОГО»: СТРАТЕГИЯ ПОВЕДЕНИЯ
СОВЕТСКОГО ПОЛПРЕДА В ПАРИЖЕ**

В статье проанализировано деятельность советского полпреда в Париже в период августа-октября 1927 г. в связи с «Инцидентом Раковского» – скандалом во французской прессе, возникшим после подписания Х. Раковским в начале августа 1927 г. заявления левой оппозиции. Не смотря на обвинения в бездействии, которые впоследствии звучали со стороны руководства СССР, прежде всего – от И. Сталина, советский дипломат прикладывал активные усилия для улучшения ситуации. Выявлено четыре основных направления: контакты с французскими политиками; сотрудничество с прессой Третьей Республики; новое предложение по франко-советскому договору о долгах и кредитах; взаимодействие с Москвой. Советский полпред в Париже использовал все свои связи и знакомства, пытаясь выйти на контакт с различными французскими политиками и заручиться их поддержкой. Но нарастающая кампания в прессе приводила к тому, что все меньше политиков шло с ним на контакт. Даже близкий друг Х. Раковского – Анатоль де Монзи, вел себя очень нерешительно. С другой стороны – как зафиксировано в ряде документов – и сам Х. Раковский иногда вел себя слишком самоуверенно, игнорируя советы, или даже вызывающе воспринимая их. Относительно прессы – с обострением кампании количество газет, которые шли на контакт с советским полпредом в Париже, уменьшалась: одним за это платили деньги, другие – печатали критический материал по указанию владельцев газет (разных промышленников, которые враждебно относились как к СССР, так и лично к Х. Раковскому), третьи – шли за доминирующей тенденцией критики дипломата. По сути, только орган компартии «L'Humanité» до конца оставался лояльным к Х. Раковскому. Большие надежды советский полпред возлагал на свое новое предложение по долгам и кредитам. Но оно было раскрытковано буквально всеми: французскими политиками, парижской прессой, а также – собственным советским правительством (в тесном взаимодействии с которым эти тезисы и были выработаны). Руководство СССР в лице Сталина прикладывало большие усилия чтобы дискредитировать Х. Раковского и ухудшить его положение. Особенно ярко это проявилось в период «инцидента». До 13 сентября официальная Москва молчала, а все запросы о помощи и предложения по улучшению ситуации – по сути игнорировались. Все вышеперечисленное стало причиной очень слабой результативности действий Х. Раковского и привело к его дальнейшему отъезду из Франции.

Ключевые слова: Х. Раковский; полпред; франко-советские отношения; Париж; Москва.

В современном мире роль чрезвычайных и полномочных послов в выстраивании, развитии и поддержке отношений между государствами крайне важна. Они являются представителями стран, а от предпринимаемых ими решений, действий и заявлений зависит очень многое. В случае развития скандала вокруг посла под удар попадает не только он, но и государство, которое он представляет. Поэтому очень важным является не допускать, а в случае допущения – крайне быстро устранять любые конфликтные ситуации вокруг дипломатов. Изучение подобных инцидентов, и в особенности – подробное рассмотрение предпринимаемых послом шагов, направленных на их устранение, и их результативность, являются необходимым элементом для выстраивания прочных международных отношений в условиях современной крайне напряжённой геополитической обстановки. В связи с этим, нам видится крайне важным и интересным анализ действий советского полпреда в Париже Христиана Георгиевича Раковского, занимавшего эту должность с 1925 по 1927 г., в период кампании против него во французской прессе, получившей в газетах и журналах название «Дело Раковского» (хотя мы считаем более подходящим название «Инцидент Раковского»).

Рассматриваемый нами сюжет нашёл своё частичное отображение в монографиях Ф. Конта [20], П. Бруэ [18], Ф. Панайотова [11], коллективных трудах В. А. Головки, Г. И. Чернявского, М. Г. Станчева [6], М. В. Тортики (Лобановой) [16] общебиографического характера, в статьях В. Г. Сироткина [14], М. В. Лобановой [10] и диссертации О. Н. Кена [8], посвященным отдельным проблемам, частично затрагивающим существенные для нас аспекты.

В целом отметим, что все исследователи, касаясь интересующей нас тематики, обозначили лишь некоторые общие направления деятельности Раковского. Данная статья призвана заполнить недостающие лакуны, детально проанализировав предпринимаемые советским полпредом действия в период скандала вокруг него, обозначив их эффективность и указав на причины таких результатов. Большинство из использованных нами архивных документов (докладов Раковского [1, 5], переписки полпреда с Н.К.И.Д. и Политбюро ВКП(б) [2, 3], досье по конфликту с Францией по делу Раковского [4]) были лишь недавно рассекречены, фактически не использовались другими исследователями, и часть из представленных ниже фрагментов впервые вводятся в научный оборот.

Христиан Георгиевич Раковский является достаточно известной личностью, так что акцентировать внимание на его биографии мы не будем. Под термином «Инцидент Раковского» мы предлагаем понимать активную кампанию во французской прессе, а впоследствии – и среди политиков Третьей Республики, направленную против полпреда СССР в Париже Раковского. Предлогом принято считать подписанное, в том числе и советским дипломатом, заявление левой оппозиции от 8 августа 1927 г., в котором, среди прочих, были выдвинуты следующие лозунги: «поражение всех буржуазных государств, воюющих против СССР – каждый честный пролетарий капиталистической страны должен активно работать для поражения «своего» правительства; переход на сторону Красной армии каждого иностранного солдата, который не хочет помогать рабовладельцам «своей» страны» [9, с. 68]. Факт подписи официального представителя Советского Союза в Париже под такого рода воззванием не мог остаться незамеченным. Прочитанный выше фрагмент многие французские газеты и политики, а за ними – и обычные граждане, восприняли как призыв к солдатам не подчиняться своему собственному правительству,

дезертировать и переходить на сторону СССР, что было прямым вмешательством представителя иностранного государства в их собственные внутренние дела. Началом кампании против советского полпреда в Париже мы предлагаем считать статью, опубликованную П. Бернюсом в «Journal des débats politiques et littéraires» 19 августа 1927 г. [17].

В первое время после начала инцидента, после трёх встреч (21, 25 и 29 августа) Народного комиссара иностранных дел СССР Г. В. Чичерина и посла Франции в Москве Ж. Эрбетта, и заверения последнего, что инцидент исчерпан [16, с. 338], Раковский продолжил работать в обычном режиме.

4-го сентября на первой странице видной французской газеты «Le Temps» вышла большая статья, в которой было подвержено критике заявление оппозиции, «призывающее солдат к восстанию», и в особенности негодование вызвала присутствующая там подпись Раковского, «дипломата, который открыто заявляет себя как враг порядка, установленного в стране, где он аккредитован» [19]. В ответ советский полпред в Париже направил через пресс-службу посольства своё специальное заявление [18, с. 252], на следующий день перепечатанное многими французскими газетами («L'Écho de Paris» [23]; «Excelsior» [21]; «Le Petit Parisien» [25]; «L'Humanité» [24]; «Le Matin» [22] и т.д.). В нём Раковский подчёркивал, что цель его дипломатической деятельности – в работе над устранением разногласий между СССР и Францией и тем самым увеличение шансов на всеобщий мир, и протестовал против всякого иного толкования своих действий.

Полпред прикладывал усилия, чтобы противостоять нарастающей кампании против него и против Советского Союза через прессу. Но большинство изданий не шли с ним на контакт. Так, 20 сентября ТАСС в своем сообщении из Парижа проинформировало, что официальное сообщение полпредства, направленное на борьбу с «клеветнической кампании против СССР» разместили полностью только три газеты – «La Volonté» и «L'Éuvre» и орган компартии «L'Humanité» [4, л. 1]. Это было вызвано тем, что часть прессы (особенно – правого толка, напр. «Le Matin», «L'Echo de Paris») действительно видела в Советском Союзе и в её полпреде в Париже – угрозу для всей Франции, часть (как, напр., «Le Figaro», «L'Avenir») – принадлежали французским промышленникам, и были рупором их бизнес-интересов, а часть – как подметил Э. Эррио – были «продажными перьями» [2, л. 217], оплаченными в том числе и английскими финансовыми кругами. Советскому полпреду все же удалось договориться с членом редакции вечерней газеты «Le Soir» Лазуриком, чтобы в начале октября он прибыл в Москву и взял интервью у Рыкова, Чичерина, Литвинова, Микояна, Брюханова и Ксандрова касательно различных аспектов состояния советско-французских отношений, и в частности – агрессивной кампании в прессе против полпреда СССР в Париже. Раковский предложил Г. Чичерину и М. Литвинову в своих интервью указать на то, что в Москве «удивлены, что такой незначительный инцидент ... принял такие неслыханные размеры» [1, л. 123–124], а с другой стороны – фактически припугнуть, «в прикрытой форме предупредить, чтобы реакция не злоупотребляла миролюбием и терпением страны в 150 мил. сознательных рабочих и крестьян, прошедших через тяжелые испытания гражданской и мировой войны» [4, л. 124]. Советский полпред был убежден, что такой манёвр положительно повлияет на усугубляющуюся ситуацию. «Это произведет в Париже большой эффект» – оптимистично охарактеризовал и Чичерин идею Раковского в своём докладе И. Сталину от 4-го октября [3, л. 11].

Впрочем, интервью Лазурику уже не могло помочь Раковскому: на тот момент НКВД по сути уже согласился с желанием Парижа об отзыве советского полпреда.

Ещё одним направлением деятельности Раковского стало использование своих связей среди различных французских кругов. Наибольше он полагался на своего друга, видного политического и государственного деятеля, Анатоля де Монзи. Стараясь оказать поддержку, он ещё в начале кампании заявил, что «подаст в отставку с поста председателя французской делегации по франко-советским переговорам, в случае, если французское правительство будет требовать отозвания Раковского» [13]. С обострением кампании против представителя СССР, французский политик подготовил и передал в печать ещё более жёсткое заявление в защиту советского полпреда в Париже, но, испугавшись плохих политических последствий для себя, в срочном порядке отозвал своё интервью на следующий же день, хотя он «не мог не знать, что этой выходкой он окончательно усугублял положение т. Раковского» [2, арк. 189]. Сам Христиан Георгиевич в своём докладе от 24 сентября описывает сцену его ссоры с председателем французской делегации, который изначально попросил советского полпреда отложить официальную передачу ему меморандума о долгах и кредитах, а меньше чем через сутки, как вспоминал дипломат, «де Монзи, пользуясь тем обстоятельством, что я ему еще не дал предложения с моей подписью, сообщил в печать, что они от советской делегации “никаких предложений не получали”» [5, л. 237].

В документах упоминается и целый ряд других французских политиков, с которыми он имел за короткий период в сентябре (Аренса, Мальви, Маргена, Филиппото, Торреса, Лотьё, Бертона, Бертелло) [1, л. 109–110]. Они снабжали полпреда информацией, помогали наладить контакты с более крупными политиками, некоторые – обещали поддержку. Но далеко не всегда советский полпред в Париже принимал всё это. В частности, А. Бриан, министр иностранных дел Франции, предлагал ему уехать «в трёхмесячный отпуск, в каком-то случае дело кончилось бы вполне благоприятно» [2, л. 245]. Но полпред не прислушался к совету. Более того, на попытку политического директора МИД Франции смягчить эффект, вызванный подписанием заявления оппозиции, «Раковский вызывающе заявил “à la guette, comme à la guette”» [8, с. 81]. Другой французский политик, министр народного образования, один из лидеров партии радикалов и радикал-социалистов Эррио в своей беседе с Народным комиссаром просвещения СССР А. Луначарским, которая прошла 21 октября того же года, подчеркнул, что именно Раковский «никогда не хотел поддерживать союзнических отношений с представителями демократических партий» и с ним конкретно [2, л. 220]. Как мы понимаем, подобное поведение со стороны советского полпреда отнюдь не улучшало его положение.

Отметим еще несколько особенностей. Правый блок «Национального единства», находящийся у власти, занимал достаточно жёсткую позицию по отношению к СССР и любым контактам с ним. Усиливающийся в прессе скандал вокруг Раковского так же отпугивала политиков Третьей Республики от идеи вступать с ним в какой-либо контакт, не говоря уже о том, что бы открыто его поддержать. Всё вышеупомянутое обеспечило слабые результаты взаимодействия с французскими политиками.

Уже непосредственно после отозвания Раковского из Парижа в Москве попытались возложить всю вину за сложившуюся ситуацию целиком и полностью исключительно на бывшего советского полпреда и на неправильную стратегию действий, которую он выбрал. Бухарин 21 октября заявил, что причиной молчания

советской прессы – до 13 сентября является просьба самого Раковского. Но такое обвинение не соответствует действительности. Начиная ещё с 5 сентября, и до 12-го включительно, полпред направил в Москву целый ряд телеграмм с общими советами и конкретными предложениями в отношении действий, которые, по мнению дипломата, необходимо было срочно предпринять для улучшения складывающийся ситуации. Нельзя сказать, что сообщения Раковского игнорировались: в выписке из протокола №232 заседания коллегии НКВД от 5 сентября 1927 г. мы находим подписанное Чичериным постановление «поставить в Политбюро вопрос о том, следует ли что либо опубликовать в нашей прессе о компании против Раковского» [2, л. 21] (данное постановление, впрочем, не изменило ситуацию). 12 сентября полпред телеграфировал Чичерину, указав на необходимость дать ответ через советскую прессу: «Это было бы вполне нормально, тогда как ненормальным является то положение, когда в Париже решается судьба франко-советских отношений, – наша печать молчит» [2, л. 236]. Лишь начиная с 13-го сентября в советской прессе начинают активно появляться публикации касательно нападков на Раковского. По заверению Чичерина только в это время «создалась объективная возможность освещения кампании правых без полемики с Брианом, в то время как еще несколько дней тому назад осведомление об этом деле, в силу необходимости было бы связано с полемикой против Бриана» [2, л. 32], чего в Москве старались избежать.

Раковский верил, что «из теперешней сложной и трудной ситуации во Франции мы выйдем с честью, что отразится на нашем международном положении» [5, л. 239], и этому должно было помочь подписание франко-советского соглашения о долгах и кредитах. Переговоры, начатые ещё 26 февраля 1926 г., в последнее время фактически не двигались, и Раковский пришел к выводу о необходимости пойти на дополнительные уступки. Вскоре советскому полпреду в Париже удалось добиться от своего Правительства разрешение на значительное уменьшение суммы запрашиваемого у Франции кредита, снизив его с 220 до 120 млн. дол.; в отношении долгов предлагалось к уплате по 60 млн. золотых франков ежегодно в течение 61 года (что было очень близко к позиции Парижа) [7, с. 384–391]; правительство СССР подтверждало своё согласие депонировать 30 млн. золотых франков сразу же после подписания договора о долгах и кредитах. Глава французской делегации на переговорах, де Монзи 28 сентября дал интервью газете «La Petite Gironde», в целом позитивно охарактеризовав новое предложение, подчеркнув, что «залогом французских кредитов могла бы стать русская нефть» [16, с. 342]. Ф. Конт приходит к выводу, что такие действия лишь усугубили положение Раковского, так как шли в разрез с интересами «англосакских финансовых и нефтяных магнатов, и особенно – сэра Г. Детердинга, президента компании Роял Датч Шелл», который, будучи не заинтересованным в увеличении доли советской нефти на рынках Европы, впоследствии профинансировал несколько французских газет, чтобы те вели ожесточённую кампанию в печати против советского полпреда в Париже [20, с. 675]. В целом выгодное предложение советского полпреда было холодно встречено в Париже: Пуанкаре воспринял интервью Раковского, в котором раскрывался целый ряд подробностей о ходе переговоров, как «попытку воздействовать на мелких держателей «через голову» французского правительства, так как в нем полпред давал понять, что долговая проблема вполне разрешима с советской стороны» [10, с. 189], и, получается, что если кто и не хочет идти на соглашение – то это именно французская

сторона. Недовольство заявлением советского дипломата выразили и французские издания: как резюмировала на своей передовице блоговардейская парижская газета «Последние новости» «новое предложение ... о долгах и кредитах имеет плохую прессу во Франции» [12]. Раковский подвергся критике за озвученное предложение и со стороны своего собственного правительства. Так, на совместном заседании ИККИ и ЦКК ВКП(б) 27 сентября Сталин, критикуя Раковского, заявил: «он всегда предлагает дать больше, заплатить дороже и пр., так что Политбюро всегда вынуждено его одергивать. Так было все время. ... В частности, так было в последний момент в вопросе насчет 30 млн. франков. Раковский просто предлагал предоставить эти 30 млн. французскому правительству для раздачи держателям. Мы же согласились предоставить эти деньги лишь при условии урегулирования вопроса о кредитах...» [16, с. 343]. На это один из лидеров объединенной коммунистической оппозиции Л. Троцкий возразил: «Раковский только выполняет директивы Политбюро. А если бы вы приняли в свое время советы Раковского, то соглашение с Францией обошлось бы нам гораздо дешевле» [16, с. 343]. То, что это было не самовольное, а –согласованное с позиций Политбюро решение указывает и статья, размещённая на первой странице «Известий» (одном из главных официозов Советского Союза) от 22 сентября, гласящая: «Тов. Раковскому поручено сообщить французской делегации, что Советское правительство готово в течение ближайшего полугодия внести в банк 30 миллионов франков для обслуживания первых платежей в случае общего соглашения» [15].

Вполне очевидно, что такой выпад со стороны Сталина был направлен лично против Раковского, преследуя цель ослабить его позиций в партии и на международной арене. Советский исследователь В. Сироткин, опираясь на письма Троцкого, по этому поводу обозначил: «И. Сталину меньше всего нужны были кредиты, ему надо было любой ценой, даже путем предательства государственных интересов, дискредитировать “троцкизм” и “троцкистов”» [14, с. 409]. По итогу, раскритикованное всеми новое предложение полпреда по долгам и кредитам так и осталось проектом на бумаге.

Итак, как мы видим, Х. Раковский после начала кампании во французской прессе, направленной против него, активно пытался улучшить ситуацию. Данный факт находит своё подтверждение как в оценках его современников, так и в обширном массиве архивных документов, до недавнего времени носивших гриф «Сов. Секретно». В целом, можно выделить следующие основные направления работы Раковского: контакты с французскими друзьями и политиками; работа с прессой Третьей Республики; новое предложение по франко-советскому договору о долгах и кредитах; взаимодействие с Москвой. Но огромное количество недоброжелателей, как среди французских политиков, так и среди советского правительства, а так же – нарастающая истерия в связи с кампанией в парижской прессе, привели все старания Раковского к их минимальной результативности, утрате должности и отъезду из страны. Впрочем, мы не должны видеть в советском полпреде – исключительно жертву. Раковский не редко вёл себя чрезмерно самоуверенно, игнорируя советы, или даже вызываясь воспринимая их.

REFERENCES

1. AVP RF a. Arkhiv vneshney politiki Rosiyskoy Federatsii [Archive of the foreign policy of the Russian Federation], f. 04, op. 42, p. 268, d. 53791. (In Russian) Архив внешней политики Российской Федерации, ф. 04, оп. 42, п. 268, д. 53791.
2. AVP RF b. Arkhiv vneshney politiki Rosiyskoy Federatsii [Archive of the foreign policy of the Russian Federation], f. 04, op. 42, p. 269, d. 53824. (In Russian) Архив внешней политики Российской Федерации, ф. 04, оп. 42, п. 269, д. 53824.
3. AVP RF c. Arkhiv vneshney politiki Rosiyskoy Federatsii [Archive of the foreign policy of the Russian Federation], f. 04, op. 42, p. 269, d. 53825. (In Russian) Архив внешней политики Российской Федерации, ф. 04, оп. 42, п. 269, д. 53825.
4. AVP RF d. Arkhiv vneshney politiki Rosiyskoy Federatsii [Archive of the foreign policy of the Russian Federation], f. 04, op. 42, p. 269, d. 53827. (In Russian) Архив внешней политики Российской Федерации, ф. 04, оп. 42, п. 269, д. 53827.
5. AVP RF e. Arkhiv vneshney politiki Rosiyskoy Federatsii [Archive of the foreign policy of the Russian Federation], f. 0136, op. 11, p. 117, d. 306. (In Russian) Архив внешней политики Российской Федерации, ф. 0136, оп. 11, п. 117, д. 306.
6. Golovko V. A., Stanchev M. G., Chernyavskiy G. I. 1994: Mezhdunarodnoye pozheniye SSSR: 1927-1935 gg. Diss. ... d-ra ist. nauk. Sankt-Peterburg. (In Russian) Головки В. А., Станчев М. Г., Чернявский Г. И. 1994: Между Москвой и Западом: дипломатическая деятельность Х. Г. Раковского. Харьков.
7. Dokumenty vneshney politiki SSSR [Documents of foreign policy of the USSR]. 1965: Moskva. T. 10. (In Russian) Документы внешней политики СССР. 1965: Москва. Т. 10.
8. Ken O. N. 2004: Mobilizatsionnoye planirovaniye v kontekste vnutrenney politiki i mezhdunarodnogo polozheniya SSSR: 1927-1935 gg. Diss. ... d-ra ist. nauk. Sankt-Peterburg. (In Russian) Кен О. Н. 2004: Мобилизационное планирование в контексте внутренней политики и международного положения СССР: 1927-1935 гг. Дисс. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург.
9. Kommunisticheskaya oppozitsiya v SSSR. Iz arkhiva L'va Trotskogo [Communist opposition in the USSR. From the archive of Leo Trotsky]. 1988: Chalidze publications. T. 4. (In Russian) Коммунистическая оппозиция в СССР. Из архива Льва Троцкого. 1988: Chalidze publications. Т. 4.
10. Lobanova M. V. 2006: Rossiyskiy dolg Frantsii i revolyutsionnaya mental'nost' (po materialam sovetского diplomata KH. G. Rakovskogo, 1920-ye gody). Problemy ekonomicheskoy istorii: mundus oeconomicus [Problems of economic history: mundus oeconomicus], 169-192. (In Russian) Лобанова М. В. 2006: Российский долг Франции и революционная ментальность (по материалам советского

- дипломата Х. Г. Раковского, 1920-е годы). Проблемы экономической истории: mundus oeconomicus, 169-192.
11. Panayotov F. 2003: Zhivotat i smartta na Krastyu Rakovski [The Life and Death of Krastyu Rakovsky]. Sofiya. (In Bulgarian) Панайотов Ф. 2003: Животът и смъртта на Кръстю Раковски. София.
 12. Pechat' o novykh» predlozheniyakh» Rakovskago. 1927: Posledniye novosti [Last news] 2377, 1. (In Russian) Печать о новых предложениях Раковского. 1927: Последние новости 2377, 1.
 13. Provokatsionnaya kampaniya. 1927: Izvestiya [News] 209 (3143), 1. (In Russian) Провокационная кампания. 1927: Известия 209 (3143), 1.
 14. Sirotkin V. 1990: KH. G. Rakovskiy. Samyy yevropeizirovanny iz bol'shevikov. Diplomaticheskiy yezhegodnik [Diplomatic Yearbook]. Moskva. S. 398-415. (In Russian) Сироткин В. 1990: Х. Г. Раковский. Самый европеизированный из большевиков. Дипломатический ежегодник. Москва. С. 398-415.
 15. Soglasheniye o dolgakh. 1927: Izvestiya [News] 218 (3152), 1. (In Russian) оглашение о долгах. 1927: Известия 218 (3152), С. 1.
 16. Chernyavskiy G. I., Stanchev M. G., Tortika (Lobanova) M. V. 2014: Zhiznennyy put Khristiana Rakovskogo. Yevropeizm i bolshevizm: neokonchennaya duel [The life path of Christian Rakovsky. Europeanism and Bolshevism: unfinished duel]. Moskva. (In Russian) Чернявский Г. И., Станчев М. Г., Тортика (Лобанова) М. В. 2014: Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм: неоконченная дуэль. Москва.
 17. Bernus P. 1927: Les dissensions bolchévistes. Journal des débats politiques et littéraire [Journal of Political and Literary Debates] 229, 1. (In French)
 18. Broué P. 1996: Rakovsky ou la Révolution dans tous les pays [Rakovsky or the Revolution in all countries]. Fayard. (In French)
 19. Bulletin du jour. Le cas de M. Rakowsky. 1927: Le Temps [The Time] 24124, 1. (In French)
 20. Conte F. 1975: Christian Rakovski (1873-1941). Essai de biographie politique [Christian Rakovsky (1873-1941). Political biography essay]. Paris. (In French)
 21. L'incident Rakowsky. 1927: Excelsior [Excelsior], 6111, 3. (In French)
 22. L'ambassadeur désavoué télégraphique de Royat.... 1927: Le Matin [The Morning] 15874, 1. (In French)
 23. M. Rakowski ergote sur son cas. 1927: L'Écho de Paris [The Echo of Paris] 16621, 3. (In French)
 24. Une mise au point de Rakowski. 1927: L'Humanité [Humanity] 10494, 3. (In French)
 25. Une note justificative de M. Rakowsky. 1927: Le Petit Parisien [The Petit Parisien] 18451, 1. (In French)

Shkabura Y. I.

PhD Student

V. N. Karazin Kharkiv National University

4 Svobody Sq., 61022, Kharkiv, Ukraine

Email: ya.shkabura@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1541-9317>

THE «RAKOVSKY INCIDENT»: THE STRATEGY OF THE CONDUCT BY SOVIET PLENIPOTENTIARY IN PARIS

The article investigates the activities of the Soviet plenipotentiary in Paris in the period of August-October 1927 in connection with the «Rakovsky Incident» - a scandal in the French press that arose after the signing of Ch. Rakovsky in early August 1927 of a statement by the left opposition. Four main areas of activity were identified: contacts with French politicians; cooperation with french press; a new proposal on the Franco-Soviet agreement on debts and credits; interaction with Moscow. The Soviet plenipotentiary in Paris, trying to use all his contacts and acquaintances, tried to get in touch with various French politicians and enlist their support. But the growing campaign of criticism regarding the “Rakovsky case” led to the fact that fewer and fewer politicians contacted him, or only gave empty assurances of support. Even Ch. Rakovsky’s close friend, Anatole de Monzie, behaved extremely indecisively. On the other hand, as recorded in a number of documents, Ch. Rakovsky himself sometimes behaved too self-confidently, ignoring advices. Regarding the press, with the exacerbation of the campaign, the number of newspapers that were ready to cooperate with the Soviet plenipotentiary in Paris decreased. Some of them paid money for it, some printed critical material at the direction of the owners of these newspapers, some followed the dominant trend of criticism of a diplomat. Only the newspaper of the Communist Party - «L’Humanité» - until the end remained loyal to the Soviet plenipotentiary. Ch. Rakovsky laid great hopes on his new proposal for debts and credits. But it was criticized by literally everyone: French politicians, the Paris press, and even their own Soviet government (in close cooperation with which these theses were developed). The leadership of the USSR in the person of I. Stalin spent a lot of effort to discredit Ch. Rakovsky and worsen his situation. This was especially vivid during the period of «Incident». By September 13, official Moscow was silent, and all requests for assistance and proposals for improving the situation were essentially ignored. All of the above was the reason for the very poor efficiency of Ch. Rakovsky’s actions and led to his further departure from France.

Keywords: Ch. Rakovsky; plenipotentiary; Franco-Soviet relations; Paris; Moscow.

Шкабура Я. І.

аспірант

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Майдан Свободи, 4, 61022, Харків, Україна

Email: ya.shkabura@gmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1541-9317>**«ІНЦИДЕНТ РАКОВСЬКОГО»: СТРАТЕГІЯ ПОВЕДІНКИ
РАДЯНСЬКОГО ПОВПРЕДА В ПАРИЖІ**

У статті проаналізовано діяльність радянського повпреда в Парижі у період серпня-жовтня 1927 р. в зв'язку з «Інцидент Раковського» – скандалом у французькій пресі, що виник після підписання Х. Раковським на початку серпня 1927 р. заяви лівої опозиції. Виявлено чотири основних напрямки: контакти з французькими політиками; співпраця з паризькою пресою; нова пропозиція щодо франко-радянського договору про борги та кредити; взаємодія з Москвою. Радянський повпред в Парижі використовував всі свої зв'язки та знайомства, намагаючись вийти на контакт з різними французькими політиками і заручитися їхньою підтримкою. Але наростаюча кампанія в пресі призводила до того, що все менше політиків йшло з ним на контакт. Навіть близький друг Х. Раковського – Анатоль де Монзі, вів себе дуже нерішуче. З іншого боку – як зафіксовано в ряді документів – і сам Х. Раковський іноді поводився занадто самовпевнено, ігноруючи поради, або навіть зухвало сприймаючи їх. Стосовно преси – з загостренням кампанії кількість газет, яка йшла на контакт з радянським повпредом в Парижі, зменшувалася: одним за це платили гроші, інші – друкували критичний матеріал за вказівкою власників газет (різних промисловців, які вороже ставились як до СРСР, так і особисто до Х. Раковського), треті – йшли за домінуючою тенденцією критики щодо дипломата. По суті, лише орган компартії «L'Humanité» до кінця залишався лояльним до Х. Раковського. Великі надії радянський повпред покладав на свою нову пропозицію щодо боргів та кредитів. Але вона було розкритикована буквально всіма: французькими політиками, паризької пресою, і навіть власним радянським урядом (в тісній взаємодії з яким ці тези і були вироблені). Керівництво СРСР в особі Й. Сталіна прикладало великі зусилля щоб дискредитувати Х. Раковського і погіршити його становище. Особливо яскраво це проявилось в період «Інциденту». До 13 вересня офіційна Москва мовчала, а всі запити про допомогу та пропозиції щодо покращення ситуації – по суті ігнорувалися. Все вищезазначене стало причиною дуже слабкої результативності дій Х. Раковського та призвело до його подальшого від'їзду з Франції.

Ключові слова: Х. Раковський; повпред; франко-радянські відносини; Париж; Москва.